

Родился в 1982 году в Александрове, где и проживаю на настоящий момент. Образование и какая-либо профессиональная деятельность с литературой никогда связаны не были, также не доводилось состоять в литсекциях, кружках, объединениях и тому подобных организациях. Однако первые опыты сочинительства появились примерно в двенадцатилетнем возрасте, хотя лет до тридцати имели довольно сумбурный и вялотекущий характер. Только в этом возрасте я взялся за творческий процесс более-менее по уму, и постепенно начал посвящать ему, а скорее, поэзии в целом, практически всё свободное время. Но до сих пор мои занятия в этом плане ограничивались сетературой, и пока единственная печатная публикация тоже связана с ней: это был сборник портала "Литкульт" за 2014-й год.

Список моих любимых поэтов весьма ординарен: Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак, Бродский, Быков. Они же в определённое время в той или иной степени и оказывали

влияние на моё творчество, но больше всего, пожалуй, по многим аспектам мне близок именно Бродский. Вообще, в своём творчестве я в основном делаю упор на технику и игровую составляющую (со звуками, словами, фразами, смыслами и т. д.), кроме того, мои тексты отличает довольно высокая метафоричность, причём мне хочется верить, что всё это происходит не в ущерб содержанию. Впрочем, судить читателю.

НЕ НАПРАСНО

Жиреет элита, звереет народ,
на сценах сменяет шута идиот
в привычной забаве России.
Про это напишут другие.

Зато в города заявилась весна,
повсюду из пряжи небесного льна
полотна соткав золотые.
Про это напишут другие.

Девчонка шагает с весной напрямик,
и светом её очарованный лик
по воздуху словно бы вышит.
Другие про это напишут.

Походка беспечна, и взгляды легки.
Волочатся следом мольбы и стишки.
Она их, конечно, не слышит.
Другие про это напишут.

А в комнате - шторы, ушёл балаган;
осколки, клочки, одинокий стакан,
туманно глядит сигарета.
Напишут другие про это.

Опять захотел дотянуться до звёзд.
Пегасу влетело и в гриву, и в хвост.
Свобода - диета поэта.
Напишут другие про это.

Смотрел в пустоту, говорил тишине ль?
Мелькнув над землёй, возвращайся в туннель,
в котором не видно ни зги. И
про это напишут другие.

Но знаю, что был не напрасен визит:
две даты навеки вопьются в гранит, -
хоть это напишут другие.
Спасибо, мои дорогие.

2013

ПРАЙМ-ТАЙМ

Тебе, драматургу трагедий, милы массовка
домов, площадные позы, умение ловко
расставить огни многоточий. Любая фраза
в их свете выходит значительнее в три раза.
И я читаю по дрогнувшим векам "отрину",
порой - "отвергну", пока ты глядишь на витрину,
на новую дверь, на меня, в меню ресторана,
на всё, что имеет черты экрана. Мне странно
мелькание масляных лиц, и пастельных сценок,
и плещущих рук, отпускаемых за бесценку
на спутанных улицах, продолжающих спамить
во взгляды короткими днями, размером с память.
По сыгранной роли - не сложишь другого в ящик.
Но ты заводишь рассказы о нас - настоящих,
о нас - героях не чревоущательной сетки
вещей, голосами дорог, растяжек, соседки
по клетке, зеркал и вздыхаешь "умеют люди ж",
а я притворяюсь ими и тем, что ты любишь.
Когда же потухнет город, во сне догорая
на дне зрачков, ты заметишь меня, дорогая.
Я - замысел, цвет без помех, тишина в эфире,
незаданность времени, действий на три-четыре,
с тобой остающийся до хэппи-энда, строже
сказать - до последнего кадра, и после тоже.

2014

БЕЛЫЙ ШУМ

Вернулась ночь и вывела из дома, чтоб мы сегодня не были одни. Ей ведомо, что ждёт сейчас ведомый: случайные зернистые огни по городу. Другого и не надо - мгновения бы сыпать в прорезь век и полнить сушь рассеянного взгляда.

Но время - не песок, а мокрый снег.

Окутывает, искрится, ложится мне на руки и тает на глазах. С крупницей тихо шепчется крупница, с лица неразличимые впотьмах. Как в памяти, в беспамятстве - вернее, становится вокруг белым-бело; следы меняют площади, аллеи на коридоры, комнаты в былом. Но, скрашивая тропы, эта прихоть опять упрёт в оконный тёмный лёд, не преломивший мыслей "отопри, хоть как полынью".

А время всё идёт, и, думается, дальше было проще б застыть на расстоянии звонка, чем путаться и двигаться на ощупь сквозь рыхлые холодные века бессонницы, где стали и разлука, и встреча нам по тяжести равны, подобно ожиданию что звука, что тишины.

2014

ГОЛОСОМОР

*"... хиникс пшеницы за динарий,
и три хиникса ячменя за динарий;
елея же и вина не повреждай."*

(Откровение 6:6)

Темнота капает, капает, фигурничает воском,
въедается в поры, закапывая по самый вихор.
Темнота горит - и гудит, особливо в плоском,
поджаром брюхе, отголоском согласный хор.

Говорят, когда не видно, то не стыдно. Тем паче,
образуется стимул совершенствовать вкус и слух.
Пекари и дирижёры трудятся на поощрительной раздаче:
не достало плюшек - погодите, отвесим плюх.

Говорят, безотходный цикл позаимствован у Европы, -
не то что Иисусовы пара горбушек и треска, -
причём безвозмездно. Но мы тоже до ужаса филантропы,
воздымающие флаги с вилок вместо креста.

Говорят, раскинутся исконные нивы, аж на
Марсе отвоюют сады и заколосятся, маня.
Словно двигатели, речи дышат горячо и влажно -
в глаза, с восторгом слезящиеся от обилия ячменя.

Говорят, что слова сегодня звучат железно,
железно порхают, железно добираются до нутра.
То есть если их и поглощает какая-то бездна,
то единственно оваций и любовных криков ура.

Говорят, из Занзибара вовсю поставляются зинзиверы, -
иначе откуда бы это постоянное тарарах, -
и вот-вот прорастёт премного травы и веры,
чтобы зря не пропало столько бабочек в животах.

2015

К МАРИ (ВСТРЕЧНОЕ)

*"Но ручная синица садится к тебе на карниз:
Обещаю не сниться,
а ты мне, пожалуйста, снись."
(М. Порохова)*

Весной обнажаются сны, колются зеркала;
больше смотрят наверх, ожидая предвестий,
а оттуда растут лучи, как действительная шкала
термометра, цены и вопрос - не хлопнуть ли двести.

Весной, когда не спят, то звучат наверх,
ожидая, что там - так и сказать бы "в лазури" -
нечто откликнется, так и сказать бы "стерх".
В общем, что-то новее синицы на амбразуре.

Ещё весной... Да много чего весной.
Спросить меня - сходит ли снег, вечера теплы ли, -
и зависнет в сети очередной крылатый связной,
никуда не сумев донести, что давно приплыли.

Впрочем, нам-то, которую тысячу дней -
в себе, в домах, близ устья доморощенной Ориноко -
проживающим одинаково, нам-то молчать - и трудней?
Тишина бывает одна, молчание - не одиноко.

Но разговоры о нём приятней, чем наоборот.
Поэтому - сны, капель, гадания по осколкам
старых примет и всё, что весна наберёт
ловящим бегущее небо, в радости - скольким

надо шуметь в голове, ну и что, что пустой.
Поэтому тоже встречаю весну, и ко мне ты
приходишь словами. И если отвечаю: "Постой.
Мы будем, поверь мне, в хвосте", - ты поправишь - кометы.

2015

БОГОРОДСКОЕ

Был город полон светом, плавившим
снега. По кровлям и дорогам
лучи сновали, как по клавишам.
Звучало малое во многом -

везде, с порогов и до купола,
в бреду внезапного запала
хрипело, хлопало и хлюпало
и в голосах воды купало.

А город ледяное крошево
брал у теней, куда б ни дели,
шумы растаявшего прошлого
опять испытывая в деле.

За право выдавая правила,
наверное, порой манерна,
его игра пространство плавил
весной эпохи постмодерна.

Стволы, помойные промоины
питали воздух, эту флягу,
чтоб верил из неё напоенный:
пойду вперёд, пока не лягу.

И город, позабыв о трезвости
в угоду резвости, природе
спешил вернуть живущих без вести
как череду самопародий.

Он выгонял из дома пешего,
неспавшего, с раскрытой грудью,
навстречу улицам, в толпе ж его
бросал наперерез безлюдью.

Он из чужого делал званого
к своим кострам, к своим конторам.
Того, кто в общем круге заново
перебирает звон, которым

так огорошила весенняя
сумятица - мотив без слова,
неясного со дня рождения,
забытого со дня шестого.

2015

МОСТ

Здесь, вверху, неожиданно жарко, почти что зной,
но и вправду синеющий воздух - сплошной озон.
Так прозрачно, что призрачно. Ветер, густой, сквозной,
оттеняет безмолвие, выся диапазон

по прямой, не надёжней, как водится, волоска,
соль земли обращая в немеющую до скал.

Не вишу - осторожно шагаю за ним. Близка
наползающая гряда. Облака расплескал

в ширину подо мною неряшливый водонос.

Но чем дальше, тем чаще просветы, яснее дно.

Получается, памяти - та всегда заодно с

глубиной, расстояньем, провалами. Как давно

я иду? Всё отчётливей в решетке различим

акварельный рельеф, оттого что рисован без

ростовой составляющей - кажущийся ничьим

и отсюда смахивающий на краткий ликбез.

Белизна - ледники, но возможно, и вешний цвет.

Где лазурь и зелень, должно быть, река, берега.

Серый тон - города, по нему - красно-чёрный след.

Экспрессивна картинка и, верно, тем дорога.

Возвращаются запахи. Хорошенько пошарь -
сыщешь мяту, и хвою, и мёд, но пока впитал
остальные тревожащий, сильный, я помню - гарь,
да ещё какой-то, похоже, нагретый металл.

Значит, запах, не голая тень, придаёт объём
пережитому (то есть нет). Как давно я иду!

Отчеркнём, подобьём. Отдохнём, пройдя окоём.

И не надо в саду, хотя бы не в том же заду.

Вот плато - заплата на вечности - передо мной.

Обретаемый мир. Так, выходит, вера права.

К счастью, что не моя. А пейзаж-то вполне земной,
не сказать - приземлённый: песок, валуны, трава,

чуть поодаль - низкие кустики, редкий сосняк.

Не видать ни чудовищных кухонь, ни чудных куц.

Может, это и есть бесспорный божественный знак?

В зыбких шелестах, бликах лежит - спокоен, влекущ.

Только "ох" облегчённое мешкает. Каждый вдох,
или что тут теперь, твердит о былом во плоти.

Всё равно человек, я повсюду ищу подвох
и, конечно, умею в итоге его найти.

Жалкий беженец, мол, чтоб свято ценить идеал
новой жизни и милости величину, храни
узелок, где по паре книг, башмаков, одеял,
посреди всей этой бессмертной блаженной херни.

Но зачем небесная кровля, лесная кровать,
если сажа проклятий и клятв в закоулках рта?

Как просто воздаянье! - К способности забывать
подвести не хочет ни время, ни бог, ни черта.

Возвратились запахи, кадры, и ветер, спеша к
высоте, подвигает к обрыву. Пропasti взгляд
так манящ и тягуч, как последний и первый шаг.
Тяжело, не могу перепрыгнуть. Назад, назад.